

Сергей КУЗИЧКИН

Красноярск

Главный редактор «Нового Енисейского литератора».

ОТКОС

Глава из романа

Продолжение. Начало в «НЕЛ» №№ 1 – 2/2017, 4 – 5/2018, 1, 3 – 5/2020, 1 – 4/2021, 2 – 5/2022

Евгений-Володя

Выбирать и доверять

Окончание главы. Начало в НЕЛ № 5/2022

4.

Рельсы были холодными, но цепляться за них было нужно. Держась левой рукой за первый рельс, а правой — за второй, Евгений подтянул тело вперёд. В позвоночнике хрустнуло, но краткая острая боль в спине сменилась ликованием. Он дотянулся головой до второго рельса и, сделав ещё одно усилие, продвинулся дальше.

«Ну, теперь-то через первый путь я всяко-разно перелезу!» Радость оттого, что поднялся по откосу почти с самого низа до верха, заглушала боль. Вспыхнувший в груди восторг добавил силы.

«Сейчас... немного отдышусь и...»

5.

Размышляя много лет спустя над прожитыми днями своей жизни, Володя сделал вывод, что поездка с археологической экспедицией летом 1981 года стала проверкой как для него, так и для всех друзей. Пребывание в полевых условиях, работа, походы на танцы, общение с учёными-археологами и

студентами из Читы выявили многое, ранее незаметное, в характерах Константина, Исаака, Витяни, но главное, как считал Володя, он сделал открытия, познавая самого себя. Ему стало казаться, что он, начиная с той экспедиции, стал всё больше погружаться в себя, думать не о том, что будет археологом и совершит множество открытий, а мечтать о далёких путешествиях к морям и океанам. Он и раньше мечтал о морях-океанах, но тогда эти мечты были юношескими и романтическими, а потом он всё чаще стал ловить себя на мысли о том, что думает о больших деньгах и путешествиях по свету, и в мыслях его нет места никаким раскопкам, да и вообще привязанности к какому-то определённом делу. Он с иронией стал вспоминать, что хотел когда-то стать режиссёром, и армейские спектакли казались ему наивными и не имеющими ничего общего с искусством. Глядя на девушек-студенток, с которыми танцевал вечерами, Володя делал вывод, что ни одна из них не смогла бы стать его женой. Это было одним из его открытий, случившихся в палаточном городке: ему совсем не хотелось обременять себя семейной жизнью. Да, ему нравились некоторые девчонки, такие как Катя, сестра Юрки Матзагира, или Инесса, но чтобы они могли быть с ним рядом, жить с ним в одной квартире, в одной комнате...

«По жизни я одинокий волк. Семья — это не мой уклад жизни...» — решил он тогда.

Не задумывающийся раньше о своих отношениях с друзьями, Володя вдруг осознал, насколько они все: и он, и Константин, и Исаак, и Витя-Перец, — не похожи друг на друга, какими разными дорогами они пришли в университет и, конечно же, пойдут после каждый своим путём.

За три неполных года, что друзья прожили вместе, пройдя путь от подготовительного отделения до третьего курса, они настолько привыкли друг к другу, что уже и не могли представить себя в другой компании, и, как думалось тогда Володе, они будут вместе всегда. Во всяком случае, он так думал до поездки в экспедицию и подозревал, что его мысли разделяют все его товарищи.

И они действительно разделяли. И всегда восторженно принимающий всё новое Исаак, и вечно осторожный, неторопливый Витяня-Перец, и Константин...

Хотя за Константина Володя бы, наверное, не поручился. Да, он часто был и душой компании, и организатором и вдохновителем многих дел, и, бесспорно, пёкся не только о себе, но и о каждом из них, но всё-таки он был «сам себе на уме».

В общем, то лето и та поездка в экспедицию оказались последними, когда они совершали путешествия все вместе. И, скорее всего, это случилось, когда Константин пригласил их на беседу с одним из местных парней. Если точнее, то разговор затеял деревенский парень, подойдя к ним на танцах. Они сидели на скамеечке возле площадки, все вчетвером, летним августовским вечером.

— Ты в этой группе за старшего? — спросил, обращаясь к Константину, парень, представившийся Михаилом.

— Да как тебе сказать? — вопросом ответил ему, улыбаясь, Константин. — У нас нет старших. Мы все на равных правах. Если есть разговор какой, говори при всех. У нас нет тайн друг от друга.

— Ну ладно, — оглянулся Михаил, убеждаясь, что, кроме четвёрки иркутян, его никто не слышит. — Мне нужен металлоискатель на некоторое время. Я знаю, что у вас там, на раскопках, он есть. Можете найти способ дать нам на один денёк? Не бесплатно, конечно...

От неожиданной просьбы нового знакомого замерли на месте Володя, Исаак и Витя-Перец, они молча глядели то на Михаила, то друг на друга, то на Константина.

Но Константин не растерялся, он сразу же ответил.

— Ну, дружок, этот вопрос не просто решается. С металлоискателем работает сам профессор, он его держит при себе...

— Да я в курсе того, что профессор ваш на несколько дней с одним из заместителей уезжают, — сказал Михаил, — и думаю, что с собой они инструменты не повезут.

— Откуда такая у тебя осведомлённость? Мы сами не в курсе ещё, что начальник собирается куда-то ехать... — удивился уже и Константин.

— Ты не в курсе, я в курсе, — подмигнул парень. — К нам в бригаду вчера приходил ваш профессор. Он узнал, что наш директор совхоза едет в Читку, и попросил бригадира поговорить с ним, чтобы тот взял с собой его с замом.

При мне бригадир звонил директору, и они договорились, что председатель заедет за вашим профессором и его замом в среду утром.

6.

Когда он, Владимир Сапрунов, и все они: Константин Выборов, Исаак Торноев, Виктор Перцев, — свернули с прямого жизненного пути на узкую, скользкую, петляющую тропинку? С того дня, когда вышли продавать в Иркутске джинсовые костюмы? Или когда пошли с металлоискателем искать в забайкальской деревне клад?

С Константином, конечно, было всё не так, как с остальными. Он и до поступления в университет занимался фарцовкой, и продолжил бы делать то же самое и дальше, даже не встретив их. Нашлись бы другие бедные студенты. Значит, виноват во всём Константин? Это он сбил с правильного пути и его, и Исаака, и наивного Витьку-Перца? Выходит, так? В какой-то степени так. Но и не совсем так... Ведь у него, у Владимира Сапрунова, была же своя голова, и он был вправе отказаться от предложения Константина заработать на продаже джинсов. Могли бы отказаться и Исаак, и Витя... Могли, но не отказались. Как не отказались потом, в Забайкалье, и пошли с металлоискателем в деревню и в первый раз, и во второй...

Всё происходящее тогда то стиралось в его памяти, то всплывало отдельными фрагментами. События тех дней набирали ход после почти месячного затишья. После отъезда профессора с его замом Павлом Ивановичем Константин провёл переговоры с Тёзкой Пушкина, оставшимся на раскопках за старшего.

Палатка профессора, где был металлоискатель, находилась рядом с поварской и кухней-столовой. В поварской палатке день и ночь дежурили повара из числа рабочих и старшекурсников. Они числились и кухонными рабочими, и поварами, и сторожами. Сергеич сам вынес Константину завёрнутый в брезент металлоискатель. Потом они удалились за сопку, где Тёзка Пушкина провёл курс обучения работы с металлоискателем. Как и чем убедил его Константин пойти на это, для них осталось загадкой.

— Пообещал я ему кое-что, — отмахнулся Константин, когда друзья его об этом спросили.

В первый раз они поехали в деревню на «уазике». За ними заехал Михаил и повёз всех четверых с металлоискателем в дом своего дядьки.

— Я пошёл на их предложение при условии, что нас будет четверо, а их двое, — пояснил друзьям Константин.

Дядька Михаила — здоровый рыжик мужик возрастом под пятьдесят — назвался Романом и, поздоровавшись со всеми за руку, пригласил за стол, на котором стояли бутылка самогона, чугунок с дымящейся картошкой, на тарелочке лежала нарезанная, окропленная луком жирная селедка.

Перед тем как начали разговор, Роман предложил всем выпить по рюмке самогона и закусить.

— Значит, так, друзья, — сказал Роман, когда все выпили по рюмке и закусили, — мы с Мишкой вам доверяем и уверены, что о чём тут ни говорим, останется между нами. Мишка сказал мне, что по главному вопросу договорился с Костей. Так?

— Так... — кивнул Константин.

— Так! — подтвердил Михаил.

— Начну с того, что когда-то, до революции, на месте моего дома стояли лавка одного зажиточного мужика и лабаз его с товарами. Мужик держал небольшой трактир, и к нему днём и ночью ходили выпить-закусить. Приносили в обмен на водку и самогонку разные ценные вещи. Во время Гражданской войны мужика убили, то ли белые, то ли красные, то ли свои сельчане — не суть сейчас важно. Семья его тоже где-то сгинула, то ли уехала куда-то. Дом этот, уже перестроенный, достался моему деду. На месте лабаза дед сделал сарай и жил себе тут, пока на войну не ушёл и не погиб, и отец мой тут жил, и тоже воевал, и калекой с фронта вернулся. Помер он здесь, в этом доме. Дом мне достался. Вот живу здесь с матушкой старой, женой и дочерью. Сегодня всё своё семейство в гости отправил, чтобы нам не мешали и не любопытствовали. Так вот, и дед мой спокойно тут жил, и отец, и матушка, а после и я без всякой нужды, пока в прошлом году не стал я расширять сарай. Решил свинарник сделать отдельно. Стал старые доски, вросшие в землю, вытаскивать и вот что нашёл.

Роман выложил на стол потемневшую монету.

— Это же рубль золотой! Царский! — сразу определил Константин, взяв в руки кругляшок и присмотревшись к нему.

— Совершенно верно! — подтвердил Роман. — Я в Читку возил. Там мне тоже так же сказали знающие люди.

— И? — посмотрел на хозяина Константин. — Как я понимаю и как мне сказал Михаил, ты надеешься найти что-то ещё?

Роман кивнул:

— Надеюсь и почти уверен, что тут ещё что-то зарыто.

— Но я не уверен, что наш металлоискатель будет реагировать на золото. На железо — да, а на золото — сомневаюсь... — покачал головой Константин.

— Дед при жизни отцу рассказывал, что когда ему этот дом власти давали — предупредили, что в постройках, в доме или на огороде могут быть закопаны в чугунках разные драгоценные вещи, и если дед их найдёт, то он обязан сообщить об этом в сельсовет. Отец говорил, что дед даже бумагу какую-то подписывал. Мол, если скроет что от советской власти, ответит по закону...

— И неужели за все эти годы ни дед твой, ни отец, ни мать ничего не находили, а ты сразу нашёл? — спросил Романа Володя.

— Мне они, как и никому другому, про находки не говорили. Да и на селе слухов не было. Когда мужика, хозяина этого, не стало и дом бесхозный стоял какое-то время, приходили, отец говорил, копщики разные, искали чугунки, но не нашли. А мне повезло. Монеты, правда, те без чугунков были...

— Монеты? — поднял глаза на хозяина Константин. — Значит, ты не одну монету нашёл?

— Ну, это не важно, сколько я нашёл тогда, — зарделся Роман. — Это никого не касается. Сейчас важно другое: найдём ли мы ещё? Я согласился даже на ваши условия — поделить находку пятьдесят на пятьдесят. Хотя говорил Мишке: договаривайся только на то, чтобы вам четверть найденного было...

— Мы с Михаилом сразу договорились и больше на эту тему разговаривать не будем, добро? — уверенно сказал Константин, глядя на Романа.

— Добро, — кивнул тот. — Давайте начинать уже. Пока день стоит хороший. Начнём с того места, где я рубли царские нашёл. Я там телегу с сеном рядом поставил, чтобы соседи со своих огородов меньше видели. Пойдёмте.

Первый день поисков оказался неудачным. Константин, как бывалый сапёр, ходил с металлоискателем, в наушниках, и кивал им на тот или иной участок, расположенный между сараем и телегой. Они хватали лопаты и начинали копать. Нашли ржавую консервную банку, несколько почерневших гвоздей. Часа через три, уставшие, сели снова за стол, пообедали картошкой с селёдкой, выпив перед обедом по рюмке самогона. После обеда Роман предложил обследовать подполье. Подполье оказалось глубиной метра в полтора, длиной около двух метров и шириной чуть больше метра. Работать там с металлоискателем было неудобно. Константин, сидя на полу возле открытого подполья, опустив металлоискатель, водил им по днищу и по стенам, но не обнаружил даже намёка на скрытый там металл.

— В сараях надо смотреть, — сказал Роман вечером. — Давай завтра с сараев начнём.

— Давай, — согласился Константин, — но только вы с Михаилом доски предварительно там половые поотдирайте и навоз вынесите.

— Хорошо — согласился Роман. — Я завтра снова своих отправлю в гости, мы утром коров на пастбище выгоним и с Мишей доски оторвём от пола, а потом за вами заедем.

— Договорились...

На другой день Тёзка Пушкина всех их не отпустил. Исааку и Витяне пришлось остаться на работах в лагере, а Володя с Константином и металлоискателем снова уехали с Михаилом в деревню. На вопрос Романа, где ещё двое, Константин ответил, что их не отпустили с раскопок, а завтра не исключено, что вообще никого не отпустят.

— Надо сегодня максимально территорию обследовать. Могут больше металлоискатель не дать нам, — сказал он погрустневшему Роману.

На этот раз начали поиски без выпивки и закуски. Со свинарника. Роман выгнал свиней в огород под присмотр

Михаила, а сам вместе с Володей брался копать там, где указывал Константин. Почва бала тяжёлая — земля вперемешку с поросычьим навозом. При этом в свинарнике дурно пахло. Тем не менее металлоискатель часто реагировал, и за два с половиной часа исследований они откопали большой лист жести и целое корыто, обитое жестянойкой.

Около двух часов дня в свинарник зашёл Михаил и сказал, что приходил посыльный от бригадира и передал, чтобы он, Михаил, сейчас же выходил на работу, а Роман пришёл на разнарядку в контору.

Им пришлось всем вместе застилать полы полусгнившими досками и загонять в свинарник трёх поросят из огорода: большую свинью и двух молодых боровов.

— Давайте сейчас все пообедаем, а потом мы с Мишкой пойдём в контору, будь она неладна, а вы давайте снова ищите в огороде, у телеги и сарая, где я рубли нашёл. Там больше шансов что-то отыскать.

— А это что у тебя за строение? — спросил Константин хозяина, когда они мыли руки во дворе, показывая на сколоченный из досок двухэтажный сарай без дверей.

— Да сеновал, — отмахнулся Роман. — Я построил. Тут куча гравия какая-то насыпана. Ещё отец хотел убрать, да руки не доходили. Я попробовал, да махнул рукой. Ну его. Наколотил досок. Сено храню там наверху и внизу.

— Странно это, — покачал головой Константин. — Тебе не кажется? Кругом такая земля хорошая, плодородная, а тут куча с гравием?

— А чё странного-то? — пожал плечами Роман. — Строил чего-нибудь прежний хозяин. Привёз гравий, работу не закончил. И куча гравия так и осталась тут лежать...

— Я думаю, что нужно там тоже посмотреть, — сказал Константин.

— Ну, посмотри там тоже, пока мы ходим, — согласился хозяин.

Обедали без самогона. Свежие помидоры, огурцы, борщ со сметаной.

После обеда дядька с племянником ушли в контору, а Константин с Володей пошли обследовать сеновал. В открытом сарае лежало прошлогоднее сено. Его было немного, и

друзья, разбросав его по углам, быстро обнаружили поросшую травой кучу, выступающую примерно метра на полтора над землёй.

Володя постучал по ней лопатой. Под остриём лопаты зазвенело.

— Камни, как и говорил Роман, — сказал Константин. — Шансов что-то найти мало, но нам что-то делать же надо. Давай попробуем откидать немного гравия, прочистить территорию.

— Давай, — согласился Володя, первым начиная делать подчистку.

Они долбили по краю кучи ломом и подчищали отстающие от неё камни. Камни были вперемешку с песком и землёй. Довольно быстро они очистили у основания горки сантиметров тридцать территории и поняли, что гравий лежит и ниже уровня кучи. Володя постучал ломом в том месте, откуда они начинали подчистку, и обнаружил, что гравием засыпана и территория, ведущая к горке. Небольшой земляной слой скрывал камни и на входе в сарай. Володя стал расчищать землю, выковыривая небольшие камни в полуметре от кучи.

— Откуда столько гравия в одном месте, если кругом во дворе и огороде хорошая земля, чёрная? — спросил он Константина.

— А может, у старого хозяина весь двор гравием был отсыпан? Допускаешь такой вариант? — вздохнул Константин, отбрасывая лопату. — В огороде пойдём лучше искать.

Володя уловил настроение приятеля и в сердцах несколько раз воткнул лом в землю возле ног.

— Слушай, Костя, лом тут вроде бы во что-то втыкается! — воскликнул он. — Легко как-то втыкается.

Друзья, не сговариваясь, схватились за лопаты и стали разгребать под ногами землю и спрессовавшийся под ней гравий. Вскоре они наткнулись на доски. Сначала на одну доску, лежавшую поперёк входа в сеновал. Рядом обнаружили вторую. Константин вогнал лом между досками, пробуя подцепить одну и вытянуть. Когда он ударил между досок второй раз, лом провалился вниз до половины и зазвенел.

Друзья с двух сторон подцепили доску лопатами и попробовали приподнять. Справа и слева от того места, где они воткнули лопаты, земля вздыбилась, и потемневшая от времени и сырости досточка длиной с метр выскочила на волю.

— Оп-па! — воскликнул Константин. — Да тут яма какая-то. Неужто тайник?

Они подцепили вторую доску, и она выскочила на поверхность. За ней из многолетнего плена освободилась и третья, ближе к куче с гравием, за ней четвёртая.

— Тут внизу лестница! — первым увидел ступеньки Володя.

Они отбросили ещё несколько досок, вытащили лом и обнаружили проход вниз по ступенькам к деревянной, обитой в нескольких местах железом двери. Дверь была на замке. Возле неё лежало несколько кирпичей, спрессовавшийся песок.

— Вход в подземелье! — воскликнул снова Володя.

— Скорее, в обыкновенный погреб, — охладил его пыл Константин. — Под этой кучей гравийной — погреб старого хозяина, скорее всего. Я видел в сенцах дома у них ножовку по металлу. Схожу принесу. Спилем замок.

— Может, хозяина подождём? — предложил Володя. — Как-то без него не совсем хорошо взламывать двери.

— Ну когда он придёт? Неизвестно ещё. А придёт — сам всё увидит. Мы же погреб с собой не унесём.

Дужку заржавевшего навесного замка пилили попеременно и одолели за полчаса. Ещё с полчаса долбили у двери превратившийся в бетон песок и отбрасывали кирпичи. Наконец, потянули за большое металлическое кольцо дверь. Дверь не поддавалась.

— Давай долби возле двери снизу и расчищай, — сказал Константин, — а я пойду топор у хозяина поищу, попробую топором приоткрыть.

Ни Роман, ни Михаил не объявлялись. Не объявились они, и когда с помощью топора дверь поддалась и открылась на несколько сантиметров. За ней были ещё ступеньки.

— Попробуй, Волоха, протиснуться, посмотреть, что там есть. Ты похудее меня. Может, сможешь, — предложил Константин.

— Да там же ничего не видно. Темень сплошная... И ступеньки. Ещё свалюсь вниз, — сказал Володя.

Ему не хотелось втискиваться в узкую щель.

— Не свалишься. Ступеньки же не крутые. Такие, как эти. Попробуй.

Володя протиснул правое плечо в щель, просунул голову. Из погреба тянуло холодом и сыростью.

— Давай ногу проталкивай, — услышал он с другой стороны двери голос Константина.

Голова тоже пролезла, а за ней остальная часть его туловища. Володя постоял на первой ступеньке и шагнул вниз, на вторую.

— На спички, посвети себе там, — просунул коробок в щель Константин.

Володя взял, открыл коробок, чиркнул спичкой. Спичка сейчас же погасла. Он чиркнул второй, дождался, когда разгорится, и приподнял её. При свете спички всё равно ничего нельзя было разобрать. Володя подождал, когда глаза хоть немного привыкнут к темноте. Где-то там дальше капала вода, вырисовывались очертания каких-то деревянных ящиков. На ящиках лежало что-то похожее на верхнюю одежду. Володя непроизвольно сделал шаг вправо и, споткнувшись обо что-то, едва не упал. Он удержался и, присев, пощупал руками то, обо что споткнулся. Камень — не камень? Какой-то овал. Он протянул вторую руку и попробовал поднять. Вроде камень какой-то, обточенный и довольно тяжёлый. Он приподнялся и увидел, что держит в руках кувшин.

— Что там? — нетерпеливо просовывая голову в дверь и закрывая собой почти весь свет, спрашивал его Константин.

— Да вот кувшин какой-то у входа тут стоял.

— Давай его сюда и сам выходи. Хозяина будем ждать. Пусть фонарь принесёт.

Володя протянул кувшин Константину и протиснулся наружу.

— О, да это волшебная лампа Аладдина! — воскликнул Константин. — Ты — Аладдин, спустившийся в подземелье за лампой, а я злой магрибский колдун, мечтающий завладеть ею.

Кувшин был завязан сверху мешковиной.

— А тут ещё и слой воска, — установил Константин, когда снял с кувшина обмотанную сверху тряпку. — Воском обмазали. Видимо, что-то хранится тут...

Когда Константин лезвием топора срезал слой воска, друзья обомлели.

Кувшин под самую его горловину был набит драгоценностями. Константин, насколько мог, запустил пальцы и вытянул наверх цепочки, подвески, серьги.

— Так, так, так... — заговорил он нервно. — Ты с какой-то сумкой вроде ехал сюда?

— Да, сумка у меня на ремне через плечо... В доме она... — глядя на кувшин, ответил ему, сам не помня, что говорит, Володя.

— Давай тащи её сюда.

— Зачем?

— Тащи. Не спрашивай. Потом объясняться будем.

Он набросил на кувшин мешковину. Связал разорванную верёвку и завязал горловину.

Не дожидаясь, пока Володя сходит за сумкой, Константин с кувшином в руке побежал в дом, нашёл Володину сумку и сунул кувшин в неё.

— Беги быстрее в лагерь! — приказал он другу. — Никому там ничего не говори. Ни Исааку, ни Витяньке даже. Положи сумку в надёжное место. Зайди к Сергеичу и проси у него фонарь. У них есть там большой, аккумуляторный. Если наши друзья там, скажи им, чтобы шли с тобой тоже. Но ничего им даже по дороге не рассказывай.

— А как же хозяин дома? — спросил Володя. — Мы же договорились пятьдесят на пятьдесят...

— Иди! Иди! Не теряй времени! — закричал на него Константин. — Сейчас интересные дела начнутся. Всем всего хватит! Я скажу им, что за фонарём тебя отправил.

Никогда ещё не видевший товарища в таком состоянии, Володя поспешно схватил сумку и побежал за ворота.

7.

Вот тогда, вот именно тогда, в тот день, когда они нашли погреб, и понеслась жизнь его по новой, скользкой, с крутыми поворотами, дорожке.

Наверное, раньше ещё можно было что-то изменить, остановиться, уйти в сторону, но после того, как он унёс в сумке кувшин с драгоценностями, уже поправить было ничего нельзя. После этого путь по кривой ускорился.

Сразу за домом он свернул к лесу, тропинками выбрался на дорогу и вышел к лагерю археологов. Его никто не встретил, и никто потом ничего у него не спросил. Он сунул сумку под подушку, нашёл Тёзку Пушкина возле палатки поваров и попросил у него фонарь.

— Выборову, что ли, фонарь среди бела дня понадобился? — не то спросил, не то проворчал Сергеич. — Вы что-то, друзья, у меня совсем от основной работы отбились. Давайте заканчивайте там свои дела. Завтра чтоб все тут были...

Сергеич отдал фонарь и отпустил с Володей Исаака и Витю.

Исаак всю дорогу пытал его, задавал вопросы, на что он отвечал, что они нужны в деревне, чтобы решить кое-что.

Когда они пришли к дому Романа, там были уже сам хозяин и Михаил. Дверь погреба к тому времени была раскрыта настежь. Михаил светил вовнутрь небольшим китайским фонариком, а Роман с Константином выносили во двор ящики, шубы, тулупы, валенки, пиджаки, женские кофты. В ящиках оказались крупы, сахар, соль, конфеты. Целый склад вещей и продуктов. На полках кладоискатели обнаружили покрытое зелёной плесенью сливочное масло и несколько батонов побелевшей копчёной колбасы. Нашли под полками и три кувшина. Они не были обмазаны воском и повязаны на горловине мешковиной. В них была залита белая дурно пахнущая жидкость — видимо, скисшее молоко или простокваша.

— Это всё? — крикнул в сердцах Роман, когда вынесли из погреба последний ящик с испорченными конфетами.

Он схватил один из кувшинов и с силой грохнул его о каменные ступеньки. Кувшин разлетелся вдребезги, белая, рыхлая жижа потекла по ступеням и, растекаясь, оставляла под собою тёмный песок.

— А ну-ка стоп! — схватил за руку готовившегося было разбить второй кувшин Романа Константин. — Стой, тебе говорю! Посмотри, что под этой простоквашей есть.

Он наклонился над осколками разбитого кувшина, взял щепоткой тёмный песок, размазал его на ладони другой руки.

— Мне кажется, что... Это же золотой песок... — проговорил он негромко и неуверенно.

— Что? — осторожно поставив на завалинку кувшин, спросил его Роман. — Что ты говоришь? Под простоквашей золото?

Константин аккуратно достал из кармана носовой платочек.

— Подержи, — попросил он Исаака.

И когда тот разложил платочек у себя на ладони, осторожно стряхнул мокрые песчинки на белый платок.

— На сто процентов не уверен, но мне думается, что это золотой песок.

Константин взял в руки третий кувшинчик и осторожно стал сливать с него белую жидкость. Жидкости было немного, и под ней тоже оказался тёмный, почти чёрный уже песок.

— Как я сразу не понял? Кувшины с молоком не бывают такими увесистыми.

— Это точно золото? — часто мигая глазами и подёргивая левой рукой, спросил Роман, медленно приближаясь к Константину. — Отдай кувшин!

— Стой-ка, дружок, на месте! — прижав кувшин, отступил на шаг Константин. — Я на все сто не уверен, что в кувшинах золотишко, но что можно в молоке прятать такое, вызывает непраздный вопрос. Надо провести экспертизу. Значит, так, друзья, на этом мы расходимся с вами. Приятно было иметь дело. Мы забираем вот этот кувшин и все наши инструменты. Вам оставляем второй и то, что осталось от первого. Даже если в кувшине не золото у вас барахла полно теперь. Шубы, наверное, ещё не сгнили, и из одежды кое-что уцелело, продадите — разбогатеете. Нам этого не нужно. Мы хоть и договаривались пятьдесят на пятьдесят, но довольствуемся одним вот этим кувшином. Впрочем, если вы нам доверяете, можем собрать то, что рассыпано, взять второй кувшин, провести экспертизу и, если это золото, вернуть вам половину. В промытом и высушенном виде.

— Нет! — закричал Роман. — Мы сами всё сделаем. А вы уходите!

— Что, даже не подвезёте нас до лагеря? — спросил Константин, медленно отступая к воротам. — Не отблагодарите за то, что мы вам нашли в вашей усадьбе вам не принадлежащий погреб? Вы бы ещё тут пятьдесят лет прожили и так и не узнали, что по золоту ходите.

— Миха, увези археологов домой и возвращайся скорее. Надо будет погреб прикрыть чем-то, чтобы бабы сразу не увидели и не разнесли по селу...

Они расстались тогда мирно. Михаил увёз их к лагерю, и Володя больше ни его, ни Романа не видел.

А через два дня в лагерь привезли срочную телеграмму. На его имя. Сестра Аня вызывала его домой, сообщая, что мать в тяжёлом состоянии. И он уехал.

8.

Он дополз до половины. По грудь выбрался в междупутье. Позвоночник его теперь находился на середине первого пути, между рельсами, а ноги — всё ещё там, ближе к спуску с откоса.

Вот вынырнул бы сейчас поезд и резанул бы на три части? Голова с одной стороны, спина посередине, а ноги на другой стороне... Приходи — складывай, кому надо!

А кому надо? Да, наверное, никому. Найдут утром обходчики, сообщат куда надо, приедут и закопают по частям. Хорошо, если в одной яме, а то могут и по разным раскидать.

А какая потом, в принципе, разница, где и как закопают?..

Ну, не надо о плохом. Никакого поезда нет и, может, и не будет. Надо перебираться быстрее.

Ему вспомнился тот день, когда он уезжал домой с экспедиции. Накануне они с Константином уединились в лещочке, высыпали все драгоценности из кувшина.

Их было много. Ему тогда понравилась цепочка с круглым кулончиком, напоминающим солнце. С красным камнем в середине.

— Это рубин, скорее всего, — сказал Константин. — Забирай его себе. Про нашу находку пока никому не

говори. Поедешь — заберёшь всё, что у нас есть, с собой. И эти драгоценности, и золото. Всё уложим в сумку. В Иркутске поезд будет стоять полчаса или даже минут сорок. Выйдешь, положишь сумку в автоматическую камеру хранения. Наберёшь цифры, которые я тебе запишу. И если будет время там, то отобьёшь телеграмму на указанный мной ангарский адрес с текстом: «Юра, багаж номер такой-то привёз. Василий». Напишешь номер ячейки. Какой набрать код, я тебе скажу. Ты ничем не рискуешь и никуда не опаздываешь. Сядешь снова в поезд и поедешь дальше. Если вдруг отбить телеграмму в Иркутске не успеешь, ничего страшного, пошлешь её с Тайшетграда.

И он увёз всё. И сделал так, как сказал Константин. Оставил только кулончик в виде солнца с рубином на золотой цепочке.

А потом началось.

Мать живой он не застал. Она умерла в больнице, пока он ехал в поезде. Сестра встретила его в слезах, сказала, что похороны будут очень скромными. Помог профсоюзный комитет стройучастка, где работала мать, памятник и оградку взял на себя двоюродный брат матери дядя Виктор, дали немного денег знакомые и соседи. В общем, кулончик на цепочке, что мечтал он подарить сестре, решил продать. Тут как раз подвернулся Юрка Матзагир, собирающийся ехать на Дальний Восток после отпуска и вызвавшийся помочь. Матзагир привёл его к мастеру по ремонту обуви, башкиру по национальности, который, посмотрев кулон, предложил за него двести пятьдесят рублей.

— Конечно, эта вещь стоит дороже, но здесь тебе никто больше не даст. Если хочешь продать дороже, нужно в Иркутск или Красноярск ехать, — сказал мастер.

Он согласился на двести пятьдесят. Ещё пятьдесят рублей одолжил Матзагир.

Сто с лишним рублей ушли на венки и поминки, семьдесят он отдал сестре.

Неприятности начались в день похорон. С утра пришёл в дом участковый милиционер и, узнав, что сегодня здесь похороны, вызвал его в коридор.

— Ты вчера кулон на золотой цепочке сапожнику продал? — спросил старший лейтенант.

— Да, я...

— А откуда он у тебя?

— Нашёл...

— Можно узнать, где именно?..

— На вокзале... В Иркутске...

— Это правда?

— Правда...

— Подумай хорошенько

— А что мне думать? Правда, нашёл...

— Ладно. Но как быть с тем, что женщина, которой сапожник решил твою вещичку перепродать, узнала в ней свой украденный из дома кулон?

— Не может быть...

— А почему не может быть? Ты же его нашёл, говоришь. А может, вор его потерял? Может такое быть?

— Я же нашёл его не здесь, а в Иркутске, а украли, как понимаю, у неё в Тайшетграде.

— Ладно. Я тебя сегодня больше не тревожу. У тебя и так несчастье. Завтра утром, к десяти часам, приходи в отделение милиции. Я приглашу эту женщину, сапожника, будем всё прояснять.

Ах, сколько он пережил до этого завтра...

Поезд появился неожиданно. Загрохотал, загудел и осветил его фарами...

